

Н. Д. АРУТЮНОВА

ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ
В РАБОТАХ Ч. ФИЛЛМОРА

Статьи Ч. Филлмора, появляющиеся в печати с середины 60-х годов, привлекли к себе внимание не только сторонников теории порождающих грамматик, но и более широкие круги синтаксистов и лексикологов¹.

В предлагаемом ниже обзоре будет освещена только общелингвистическая часть концепции Ч. Филлмора². Поскольку в теории порождающих грамматик исследования по синтаксису и семантике все больше сливаются в общем русле, идеи Филлмора одновременно относятся к этим двум аспектам языка.

В своих исследованиях Ч. Филлмор исходит из следующих общих предпосылок: 1) центрального положения синтаксиса в грамматике, вследствие чего формы слов определяются по отношению к синтаксическим понятиям, а не наоборот; 2) важности глубинных (скрытых, не имеющих непосредственной репрезентации) категорий³.

Размышляя над «вечной» лингвистической проблемой соотношения формы и функции, Ч. Филлмор приходит к заключению, что «поверхностная» организация предложения и его «глубинная» (семантическая) структура асимметричны. В предложениях *The door will open* «Дверь откроется» и *The janitor will open the door* «Швейцар откроет дверь» существительное *the door* находится в одинаковом семантическом отношении к глаголу, хотя в первом предложении оно — подлежащее непереходного глагола, а во втором — дополнение переходного⁴. Желательно, поэтому, чтобы грамматика содержала набор синтаксико-семантических функций и правила их реализации в поверхностной структуре предложения. Как известно, Филлмор не является единственным лингвистом, попытавшимся определить синтаксические «амплуа», релевантные для смысла предложения. В последнее время за эту задачу брались многие авторы (А. Греймас, В. Г. Гак, Т. Б. Алисова и др.⁵). Семантические функции именных элементов

¹ Уже имеются грамматики, построенные по методу Ч. Филлмора. См., например: M. G o l d i n, *Spanish case and function*, Georgetown University press, 1968.

² Место работ Ч. Филлмора в развитии форм порождающей грамматики определено в рецензии Ю. С. Мартемьянова на самую обширную публикацию американского ученого «The case for case». См.: Ю. С. М а р т е м њ н о в. Порождение предложений и исследование лексики, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 13, М., 1970. Ср. более скептическую оценку работ Ч. Филлмора, данную Р. Дафerti: R. D o u g h e r t y, *Recent studies on language universals*, «Foundations of language», 6, 4, 1970. Об отношении Ч. Филлмора к некоторым задачам порождающей грамматики см.: Ch. F i l l m o r e, *On generativity*, «Working papers in linguistics», 6, Ohio State University, 1970.

³ Ch. J. F i l l m o r e, *The case for case*, сб. «Universals in linguistic theory», New York, 1968, стр. 3.

⁴ Ch. J. F i l l m o r e, *Toward a modern theory of case*, «Research foundation», 13, Ohio State University, 1966, стр. 4.

⁵ Из недавних публикаций на эту тему см.: L. T h é b a n, *Aspects nouveaux de la théorie de la syntaxe*, «Revue roumaine de linguistique», XVI, 2, 1971. Л. Чебан выделяет шесть участников ситуации — трех активных и трех пассивных. Те и другие затем делятся на инициальные, медиальные и финальные актаны.

предложения частично отображены в обслуживающей их во флективных языках системе падежей. На эту последнюю и опирается Ч. Филлмор в поисках семантической модели предложения. «Падежные понятия, — пишет он, — охватывают набор универсальных, возможно, врожденных, концептов, в терминах которых человек судит о происходящих вокруг него событиях, о том, в частности, кто сделал нечто, с кем что-либо случилось и что от этого изменилось»⁶. Свою синтаксическую модель Филлмор так и называет «падежной грамматикой». Вполне естественно, что Филлмор отобрал лишь те падежные функции, которые определены в семантических терминах. Так называемые грамматические падежи, соответствующие логико-коммуникативным позициям предложения, и в силу этого семантически неопределенные, Филлмор квалифицирует как «поверхностные» падежи⁷. Иначе говоря, денотативный (семантический) принцип описания предложения противопоставляется им логико-коммуникативной основе традиционного синтаксиса⁸.

Здесь уместно сделать следующее сравнение. Сколь ни разительно отличается по своим задачам и методам теория порождающих грамматик от структурной лингвистики⁹, путь, пройденный трансформационным синтаксисом, повторяет в общих чертах линию развития дескриптивной морфологии. Напомним, что морфема в ранних дескриптивных грамматиках изображалась в виде основного формального варианта, соответствующего данной функции, а грамматические правила констатировали условия ее преобразования в другие — дистрибутивно ограниченные — варианты, или алломорфы. В порождающем синтаксисе этому грамматическому жанру соответствует описание ядерных структур (основных формальных вариантов, выражающих данное значение) и правил их преобразования в производные, обычно дистрибутивно обусловленные, конструкции, варьирующиеся по форме, но не по значению. Позднее дескриптивная грамматика решительно отнесла понятие морфемы к значению, а понятие морфа — к ее формальным реализациям. Этой стадии в развитии дескриптивной морфологии как раз и соответствует синтаксическая теория Филлмора, в которой под падежом подразумевается «чистая» функция, а грамматика строится как набор правил поверхностной реализации падежных значений.

Проведенная параллель свидетельствует о том, что развитие лингвистической мысли, движимое, как кажется, стремлением к все большей абстрактности грамматических единиц и конструкций, на самом деле идет путем их постепенного освобождения от признаков формы и переноса центра тяжести на функцию, т. е. в конечном итоге к построению грамматики на семантической основе (мы сейчас отвлекаемся от возможных различий в понимании категории значения). Подобной эволюции, стимулированной общей асимметрией структуры языка, не избежали и лингвистические школы, характеризующиеся крайним формализмом в постановке своих задач.

Модель Филлмора применяется к «предметному» (денотативному) аспекту предложения, или пропозиции. «В основной структуре языка, — пишет Филлмор, — мы обнаруживаем то, что можно назвать пропозицией,

⁶ Ch. Fillmore, The case for case, стр. 24. См.: е г о ж е, Subjects, speakers, and roles, «Working papers in linguistics», 4, Ohio State University, 1970, стр. 50.

⁷ Ch. Fillmore, Toward..., стр. 4.

⁸ Подробнее об этом см.: Н. Д. А р у т ю н о в а, О номинативной и коммуникативной моделях предложения, ИАН ОЛЯ, 1972, 1.

⁹ Сущность этого различия состоит в том, что структурная лингвистика подходит к языку как к семиологической системе, а теория порождающих грамматик относится к своему объекту прежде всего как к виду регламентированной (подчиненной определенным правилам) деятельности, чем определяется ее интерес к речи, узусу, реальной коммуникации и ее целям.

т. е. вневременной набор отношений между глаголами и именами... в отвлечении от модального конституента»¹⁰. Если в трансформационных грамматиках было принято начинать синтаксический анализ с деления предложения на глагольную и именную фразы ($S \rightarrow NP + VP$), то Филлмор прежде всего расчленяет высказывание на модус и пропозицию ($S \rightarrow M + P$). Оставив в стороне модальный компонент предложения, Филлмор приступает к анализу пропозиции. Последняя состоит из глагольного ядра и семантически равноправных именных спутников, или аргументов, охарактеризованных по их роли относительно предиката, или, в терминологии Филлмора, по «глубинному падежу». Падежи семантически элементарны и дальнейшему анализу не подлежат. Каждый падеж имеет одно вхождение в структуру высказывания (*one-instance-per-clause principle*)¹¹. В именной рамке глагола могут быть выделены обязательные и факультативные падежи. Значение глагола определяется тем, в какие падежные окружения он способен входить. Синтаксические «амплуа», в терминах которых следует описывать предложение, в первом варианте (1966) сводились к эргативу, агентиву, дативу, комитативу и инструментальному¹². В обстоятельной статье «The case for case» дается уже несколько иной список ролей: агентив (A) — одушевленный возбудитель действия, датив (D) — лицо, затронутое состоянием или действием, инструменталь (I) — неодушевленная сила или предмет, вовлеченный в действие, фактив (F) — предмет или существо, возникающее в результате действия, локатив (L) — место действия или его пространственная ориентация, объектив (O) — предмет, затрагиваемый действием (в первом варианте это амплуа называлось эргативом). Объектив представляет собой наиболее нейтральный падеж, функция которого прямо зависит от семантики глагола¹³. В версии 1969 г. структура пропозиции опять видоизменяется. Агентиву теперь противопоставлен контр-агентив — сила, мешающая действию, фактив заменен результативом, датив фигурирует под символом E (*experiencer* — субъект восприятия)¹⁴. В 1971 г. Филлмор писал, что хотел бы удолетвориться падежами агента, субъекта восприятия, инструмента, объекта, источника, цели, места и времени¹⁵. Комплект падежных функций, таким образом, не стабилен. Здесь нет возможности подробно анализировать систему универсальных синтаксических ролей, предложенную Филлмором. Поэтому ограничимся немногими соображениями.

Выявление семантически элементарных функций аргументов возможно только в рамках семантически простой пропозиции, состоящей из односубъектного глагола и предметных актантов. Филлмор в сущности строит здание падежной грамматики, не укрепив его фундамент, т. е. не определив признаков элементарной пропозиции. Так, например, он должным образом не разграничивает семантически простые (предметные) аргументы и аргументы, обозначающие события, такие, как *noise*, *accident* и др. Семантическая производность именного члена предложения не всегда столь очевидна, как в приведенных примерах. В качестве эквивалента событийного имени могут выступать предметные существительные (обычно назва-

¹⁰ Ch. Fillmore, *The case for case*, стр. 23.

¹¹ Принцип «разового вхождения» и его импликация обсуждаются Филлмором в ст. «Some problems for case grammar», «Monograph series on languages and linguistics», 24, Georgetown, 1971, стр. 39.

¹² Ch. Fillmore, *Toward...*, стр. 8—9.

¹³ Ch. Fillmore, *The case for case*, стр. 24—25.

¹⁴ Ch. Fillmore, *Types of lexical information*, в кн.: «Studies in syntax and semantics», Dordrecht, 1969, стр. 116.

¹⁵ Ch. Fillmore, *Some problems for case grammar*, где обсуждаются также возможные «кандидаты в падежи», такие, как *force* — неодушевленная сила, *benefactive* — лицо, в пользу которого совершается действие, *path* — путь.

ния лица). В предложении *Этот человек поразил (огорчил, обрадовал и т. п.) его* существительное *человек* указывает на действия, поступки или признаки лица и может быть заменено такими перифразами, как *поведение этого человека, вид этого человека, слова этого человека* и т. п. Подобные подстановки невозможны в семантически простых предложениях, таких, как *Этот человек ест яблоко*¹⁶. Без ясного разграничения предметных и событийных аргументов невозможна семантико-синтаксическая характеристика глаголов, к которой стремится Филлмор.

Недостаточная определенность и эксплицитность принципов отождествления падежей представляет собой другой пробел в теории Филлмора. Большей частью Филлмор стремится опереться на наши представления об обозначаемой предложением ситуации. Такая опора, однако, ненадежна. Это хорошо видно на примере ситуаций «сделок» и «передач». Основанием для выбора агента считается в этом случае признак наибольшей активности. Но разве можно установить, кто из двух участников операции — продающий или приобретающий — проявляет больше энергии, чтобы добиться осуществления сделки? Мы уже не говорим о деликатности этого вопроса по отношению к другим двухагентным ситуациям, таким, например, как ситуация женитьбы. Предложение *Билл наконец женился на Мэри* обычно намекает на целеустремленность *Мэри*, хотя непосредственным предметом сообщения является акт, совершенный Биллом.

Роль агента органически связана с понятием главного действующего лица и не определима путем апелляции к обозначаемому событию. Подобно тому, как героем пьесы может, по замыслу автора, оказаться лицо весьма бездеятельное, протагонистом той драмы в миниатюре, которую отображает предложение, может быть пассивный субъект, поставленный волею говорящего в центр события. Наличие в языках глаголов-конверсивов (*продавать — покупать, передавать — получать*) позволяет менять героя при сообщении об одном и том же факте, разные стороны которого вводятся в фокус коммуникации. Глагол *продавать* предполагает наличие покупателя, но фиксирует внимание на продающем, а глагол *покупать*, напротив, предполагая наличие продающего, обращает внимание на акт приобретения.

Это вскоре понял и Ч. Филлмор. Считая нецелесообразным расчленять ситуацию «сделок» на акт продажи и акт покупки, он признал, что «купля-продажа» допускает изображение с точки зрения любого из двух ее участников. Филлмор представляет их деятельность на двух уровнях: на более низком уровне речь идет о ролях «потребителя» и «продавца», или шире, «источника» и «цели», а на более высоком — о функции агента действия, соответствующей субъектам глаголов *продавать, учить, сообщать, покупать, учиться, узнавать* и т. п.¹⁷ Таким образом, падеж агента, не определимый в семантических терминах, утратил элементарность, чем был нарушен замысел падежной грамматики.

Итак, если нетрудно произвести отождествление семантической функции аргументов, когда меняется лишь актантная конфигурация и форма предиката (ср. пассивные и каузативные преобразования), но не его лексическое значение, то эта задача осложняется, когда роль того или другого актанта «врастает» в лексическое содержание глагола (ср. конверсивы и т. п.). Уже глаголы с подвижной падежной рамкой (типа англ. *to open, to break*) ставят перед исследователем известные трудности.

¹⁶ Z. Vendler, *Linguistics in philosophy*, Ithaca, 1967, стр. 154, 159.

¹⁷ Ch. Fillmore, *Subjects...*, стр. 51; е г о ж е, *Types...*, стр. 17—18. Другие вопросы, связанные с идентификацией агента действия, обсуждаются Ч. Филлмором в ст. «Some problems for case grammar», стр. 43 и сл.

Здесь мы подходим к вопросу о соотношении функций актантов и того действия, в которое они вовлечены. Филлмор ищет путь к изучению семантики глагола в определении сочетающихся с ним «глубинных падежей». Между тем, для того чтобы установить роли непосредственных участников ситуации, необходимо иметь сведения о значении глагола. Противопоставление агентива и субъекта восприятия, например, связано с различием активных и стативных глаголов¹⁸. Эти «амплуа» несовместимы при одном простом предикате. Если бы в системе Филлмора присутствовало понятие позиции (пусть семантической), без которой невозможно различение и отождествление фактов языка, то ему, по-видимому, пришлось бы считать агентив и субъект восприятия комбинаторными вариантами одного амплуа, а соответствующее семантическое различие отнести к значению глагола. Итак, в предложенный Филлмором актантный комплект вошли функции, соотносительные с одной семантической позицией, что столь же мало естественно, как если бы в одной трагедии Шекспира участвовали Отелло и Гамлет.

Резюмируем сказанное. Падежная грамматика Филлмора столкнулась с трудностями двух родов. Одни из них обусловлены необходимостью определения и выявления элементарной пропозиции, другие вызваны задачей идентификации и дифференциации семантических функций аргументов при разных по значению предикатах. Эти проблемы неразрешимы на референтном уровне анализа, которого придерживается Филлмор. В более поздней публикации, он, впрочем, уже ищет точку опоры при идентификации падежей в принципе дополнительности («те, кому более 40,— пишет Ч. Филлмор, вероятно, еще помнят этот термин»). Применение дистрибутивного критерия позволило, например, подвести под понятия «источника» и «цели» аргументы, обозначающие «старт» и «финиш» при глаголах движения, исходное и результирующее состояние при глаголах изменения состояния, а также начальное и конечное время при глаголах со значением временной протяженности. Став на путь структурного анализа, Филлмор отделился от денотативных тождеств. Он, например, идентифицирует аргументы в таких предложениях, как *Билл предал путь от вершины холма до ворот кладбища* и *Билл превратился из заморыша в знаменитого футболиста*¹⁹. Едва ли естественно думать, что *вершина холма* и *заморыш* (соответственно *ворота кладбища* и *знаменитый футболист*) играют в описываемых ситуациях одинаковые роли. Мы уже не говорим о том, что в первом предложении аргументы обозначают предметы, а во втором представляют собой предикаты, то есть употреблены нереперентно.

Все сказанное наводит на мысль о том, что если возможно выделить набор денотативных (семантических) функций в предложениях с синонимичными или семантически однородными предикатами²⁰, то едва ли воз-

¹⁸ G. L a k o f f, Irregularity in syntax, New York, 1970, стр. 115 и сл. Первая публикация Лакова на эту тему относится к 1966 г.; J. E. M i l l e r, Stative verbs in Russian, «Foundations of language», 6, 4, 1970. Дж. Миллер считает, что функции аргументов прямо обусловлены значением управляющего ими глагола. Об отношении системы синтаксических ролей Филлмора к теории активных и стативных предикатов см.: G r. L e e, Subjects and agents, «Working papers in linguistics», 7, Ohio State University, 1971; M. C l a r k, The case against stative, «Working papers in linguistics», 10, Ohio State University, 1971.

¹⁹ Ch. F i l l m o r e, Some problems for case grammar, стр. 40—42.

²⁰ Эффективность подобного анализа была блестяще показана Ч. Филлмором на примере глаголов оценочного суждения и физического контакта. См.: Ch. F i l l m o r e, Verbs of judging: an exercise in semantic description, в кн.: «Studies in linguistic semantics», ed. by Ch. Fillmore, D. Langendoen, New York, 1971; е г о ж е, Грамматика употребления глаголов *hit* и *break*, в кн.: «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», 16, М., 1970.

можно создать универсальную систему семантических амплуа, приложимую к высказываниям любой семантики.

Во второй части падежной грамматики описываются механизмы, обеспечивающие выбор «открытых» (overt) падежей для выражения семантических функций, т. е. процессы перехода от глубинных структур к их поверхностным реализациям. Сюда относятся: правила топикализации (определения темы сообщения), субъективации (выбора подлежащего), объективации (выбора прямого дополнения), правила выбора предложения или предложно-падежной формы, регламентация линейного порядка, номинализация предложений и т. п. Порядок выбора падежей для замещения синтаксических позиций обнаруживает их иерархическую организацию. Самым высоким рангом обладает падеж, которому отдается предпочтение при замещении позиции подлежащего ²¹.

Сравнивая предложения, восходящие к одной семантической модели, Филлмор обращает особое внимание на явление конверсии аргументов, которая возможна не только у двухместных, но и у многоместных предикатов. Ср., например, конверсию отношений между прямым и косвенным дополнениями: *Harvey robs John of roses — Harvey steals roses from John; Harvey blamed his failures on Mary — Harvey blamed Mary for his failures* ²². Важно отметить, что Филлмор рассматривает явление конверсии именных членов предложения в связи с осуществляемой ими референцией (отнесением к денотату). В частности, интересны его наблюдения над поведением некоторых кванторов (например, *every*) при изменении позиций имен ²³. Изучая конверсию аргументов, Филлмор привлекает внимание к возможным различиям в логической характеристике пропозиций. Так, предложения, выражающие аналитические (в логическом смысле) суждения, утрачивают это свойство при обращении в пассив: высказывание *Pianists play pianos* — аналитично, а соответствующая ему пассивная форма *Pianos are played by pianists* — синтетична (в логическом смысле) ²⁴.

Как уже упоминалось, глубинная синтаксическая структура, по Филлмору, универсальна и типологические различия между языками сосредоточены в способах ее поверхностной реализации. Для выявления синтаксической типологии языков пропозициональное ядро предложения может быть ограничено двумя падежами — агентивом и объективом, образующими три возможные падежные рамки глагола: 1) *V — A*, 2) *V — OA*, 3) *V — O*. Языки различаются между собой прежде всего тем, как в них оформлены эти фундаментальные синтаксические структуры. В некоторых языках объектив и агентив никогда формально не отличимы друг от друга. Есть языки, в которых особую форму имеет только объектив в сочетании с транзитивным глаголом. В других языках, наоборот, особо отмечен агентив при переходном глаголе. Это так называемые эргативные языки. В ряде языков агентив и объектив всегда имеют разную форму. Наконец, существуют языки, в которых *A* и *O*, не различаясь между собой при одноместных предикатах, оформляются по-разному в сочетании с переходными глаголами ²⁵.

²¹ Ch. Fillmore, Some problems for case grammar, стр. 37.

²² Ch. Fillmore, Lexical entries for verbs, «Foundations of language», IV, 4, 1968, стр. 376—377.

²³ Ch. Fillmore, Subjects..., стр. 49. Проблема влияния синтаксических преобразований на референцию имен обсуждалась в ряде работ, среди которых есть и монографические исследования. См.: V. L. Robbins, The definite article in English transformations, The Hague — Paris, 1968.

²⁴ Ch. Fillmore, Subjects..., стр. 33.

²⁵ Ch. Fillmore, The case for case, стр. 53—55; на стр. 52 перечисляются другие параметры, существенные для типологической характеристики языков в области синтаксиса.

Выше были охарактеризованы идеи Ч. Филлмора, касающиеся собственно синтаксиса. Теперь остановимся на его исследованиях в сфере синтаксической и лексической семантики. Анализ значения предложения производится Филлмором с позиций так называемой интерпретативной семантики и формулируется в виде набора правил. Филлмор широко применяет при этом правила логического следования (*entailment rules*). Понятие логического следования не получает, впрочем, в его работах четкого определения и нередко смешивается с понятием пресуппозиции²⁶. Оставляя в стороне вопросы терминологии и разграничения разных типов логических отношений между предложениями, мы хотим подчеркнуть, что Филлмор подтвердил эффективность использования логических правил в описании предложений, включающих слова, которые удобно обозначить термином «коннотативный предикат» (*даже, еще, только, также, уже* и т. п.) и которые в последнее время привлекают к себе внимание логиков и семасиологов. Филлмор разлагает значение подобных предложений на две семантически простых пропозиции, одна из которых передает основное информативное содержание высказывания, а другая эксплицирует коннотативное значение. Так, смысл предложения *Джон даже выше, чем Билл* сводится к следующим двум пропозициям: 1) Джон выше Билла, 2) Билл высок. Последняя включает реляционное понятие («высок») и должна прочитываться как «Билл выше нормы». Филлмор применяет логические правила также к интерпретации условных и уступительно-условных предложений, некоторых конструкций с предлогом *for* (*she is smart for a girl*)²⁷, предложений, включающих в свое значение дейксис, в частности высказываний с глаголами *to go, to come, to take, to bring*²⁸.

Ч. Филлмор одним из первых обратил внимание на необходимость различения коммуникативно существенных компонентов значения слова и пресуппозиций, обеспечивающих правильное отнесение имени к референту, но не входящих в утверждаемое. Из четырех компонентов, образующих значение слова *холостяк*, — 1) человек, 2) взрослый, 3) мужского пола, 4) не состоящий и никогда не состоявший в браке — только последний обладает коммуникативной релевантностью, только он один подвергается воздействию отрицания. Так, в предложении *Джон не холостяк* не отвергается тот факт, что Джон взрослый мужчина. В нем отрицается только то, что он не женат. Коммуникативное содержание лексических единиц может быть отделено от коммуникативно нерелевантных компонентов только при изучении употребления слова в предикативной функции, осуществляющей задачу сообщения (а не в функции идентификации темы сообщения)²⁹. Коммуникативный подход к значению лексических единиц вносит тем самым уточнение в методику лексико-семантических исследований.

²⁶ В логико-лингвистической литературе этот термин употребляется в следующих значениях: 1) коммуникативно нерелевантные элементы значения слова и предложения (экзистенциальные пресуппозиции), 2) ситуативные условия, гарантирующие эффективность речевого акта (прагматические пресуппозиции), 3) обусловленность одного слова или предложения другим словом или предложением в тексте (синтагматические пресуппозиции), 4) побочные значения слова и предложения (коннотативные пресуппозиции), 5) представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции); 6) представление говорящих о естественных причинно-следственных, уступительных и т. п. отношениях между событиями (логические пресуппозиции).

²⁷ Ch. Fillmore, *Entailment rules in a semantic theory*, «Research foundation», 10, Ohio, 1965, стр. 68; 71—76.

²⁸ Ch. Fillmore, *Deictic categories in the semantics of come*, «Foundations of language», II, 2, 1966; специально о дейксисе см.: Ch. Fillmore, *Toward a theory of deixis*, «Working papers in linguistics», III, 4, 1971, University of Hawaii, Honolulu.

²⁹ Ch. Fillmore, *Types...*, стр. 123.

Обращение к коммуникативному аспекту языка при изучении лексической семантики является лейтмотивом отличного этюда Филлмора о значении глаголов оценочного суждения. Филлмор, в частности, показал присутствие в языках пар слов, различающихся распределением семантического содержания между пресуппозицией и утверждением. Именно этот признак определяет разницу в употреблении глаголов *обвинять* и *осуждать*. Пресуппозицию глагола *обвинять* составляет отрицательная оценка некоторого поступка, к области утверждаемого относится установление его «авторства» (ср. *Джон обвинил Мэри в написании статьи*). Используя глагол *осуждать*, говорящий, напротив, принимает как данное факт авторства и сообщает собеседнику о своей отрицательной оценке этого поступка (ср. *Джон осудил Мэри за написание статьи*)³⁰. Эти слова, таким образом, совершенно аналогичны разным актуальным членениям одного предложения.

Заканчивая обзор публикаций Ч. Филлмора, по необходимости неполный, подчеркнем еще раз, что в них не только с большой ясностью очерчен круг проблем и понятий, характеризующих определенное направление современной лингвистики, близкое по своим интересам, задачам и методам к лингво- и логико-философским школам, но также обнаруживаются импульсы и тенденции в развитии лингвистической мысли в рамках указанного течения.

Особенно важно отметить, что в работах Филлмора, равно как и в работах близких ему по духу специалистов, можно встретить идеи, как бы идущие навстречу друг другу. Обращаясь к значению предложения, в анализе которого традиционно превалировал коммуникативный подход, Филлмор переносит акцент на денотативную семантику. Напротив, обращаясь к значению слова, Филлмор подчеркивает важность коммуникативного принципа анализа. В области синтаксиса Филлмор опирается на идею о том, что предложению, как и слову, свойственна денотативная функция. В области лексики Филлмор исходит из мысли о том, что значение предикативного слова соответствует его коммуникативной значимости, а не сумме семантических дифференциальных признаков, определяющих количество передаваемой им информации. Значение слов, специализирующихся на предикатной функции, тем самым приближается к значению предложения. Таким образом, Ч. Филлмор вносит в синтаксис идеи и методы лексикологии, а в лексикологию — некоторые понятия и принципы, характерные для синтаксиса.

³⁰ Ch. Fillmore, Types..., стр. 121—122; ег о же, Verbs of judging...; ср. S. Fillenbaum, A. Rapoport, Structures in subjective lexicon, New York — London, 1971, гл. X.